О КОЗЬЕМЪ ПУХѢ

Хочу сказать нѣсколько словъ о козьемъ пухѣ, — объ этомъ загадочномъ и достойномъ замѣчанія произведеніи природы, которое, по мѣсту жительства моего и по дружбѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ владѣльцевъ здѣшняго края, сдѣлалось мнѣ достаточно извѣстнымъ, чтобы говорить не наобумъ, а основываясь на неоспоримыхъ данныхъ, на многолѣтнихъ опытахъ. Загадочнымъ назвалъ я произведеніе это потому, что объ немъ много бредили и бредятъ понынѣ: говорили, писали, печатали такія вещи, которымъ здѣсь, на мѣстѣ, смѣется всякій казакъ и мѣщанинъ, мѣняя у Киргизовъ или собирая съ домашнихъ козъ зимнюю ихъ оболочку. Но и казакъ и мѣщанинъ или безграмотны, или имъ не до грамоты. Сто лѣтъ сидимъ мы около Оренбурга, собираемъ и продаемъ козій пухъ, — дѣло идетъ своимъ чередомъ, — сотни людей наживаются выгоднымъ ремесломъ

этимъ, — а земляки наши, сосѣднихъ губерній, говорятъ о козьемъ пухѣ, какъ о златыхъ перьяхъ райской птицы, глаголемой сиринъ; и заморскихъ земель Нѣмцы гнутъ, какъ говорится, чуху неоколесную, докапываются, доискиваются учеными изысканіями, — а ларчикъ просто отпирается!

Драгоцѣнность, незамѣняемость козьяго пуху извѣстны почти всякому и не подлежатъ сомнѣнію: изъ него только можно выдѣлывать восточныя шали, изъ него только Русскіе платки или шали, не уступающіе первымъ. И такъ, важнѣе всего вопросъ, — нельзя ли расплодить и размножить въ Европѣ животное, дающее запасы на эту неподражаемую ткань, и напередъ всего, разумѣется, у насъ, въ Россіи? Но для этого должно изслѣдовать предварительно, что такое этотъ козій пухъ, и какое именно животное даетъ его.

Самое обыкновенное и наиболѣе распространившееся мнѣніе состоитъ въ томъ, что козій пухъ идетъ отъ особой породы козъ, — какой–то Тибетской или Кашмирской, и что, слѣдовательно, должно

стараться вывезти и расплодить у себя эту породу.

Тибетъ дѣйствительно богатъ козьимъ, тончайшимъ пухомъ, — богаче всѣхъ извѣстныхъ странъ, а по сосѣдству, въ Кашмирѣ дѣлаются лучшія восточныя шали. И такъ, мнѣніе это казалось бы, не безъ основанія.

Между множествомъ статей и сочиненій, вышедшихъ за границею объ этомъ предметѣ, должно упомянуть о небольшой книжицѣ, изданной въ 1824 году Фрейдбергомъ*. Онъ говоритъ, вкратцѣ, слѣдующее. Не подлежитъ сомнѣнію, что животныя и растенія могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто и пріурочиваемы къ странамъ, имъ доселѣ не свойственнымъ. Первый, но неудачный опытъ переселенія Тибетскихъ козъ, ради пуха ихъ, въ Европу, сдѣланъ Англичанами; но козы не перенесли тропическаго климата Бенгаліи моря. Французы Жоберъ и Тернль произвели это съ успѣхомъ, избравъ путь не черезъ Остъ–Индію, а черезъ Россію,

* Ueber die Ziege von Thibet, aus deren Wolle die kostbaren Kaschemir–Schawl's verfertigt werden, dann auch uber die Versuche, Moglichkeit und Art, diese Thiere in Europa und vorzuglich in Oestreich einheimisch zu machen, von H. M. Freudberg, Brunn, 1824.

гдѣ климатъ болѣе свойственъ животнымъ этимъ; но ученые и неученые заспорили, — Тибетскія ли это козы, которыхъ вывезъ Жоберъ, или Кашмирскія, или Татарскія? Между–тѣмъ, попытки Жобера увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ, говоритъ сочинитель: часть козъ дала пухъ, ни чѣмъ неуступающій Тибетскому; козы еще размножились, и вотъ ихъ описаніе: длинныя висячія уши; нѣсколько поднятый хвостъ, прямые рога; туловище болѣе обыкновеннаго; шерсть чрезвычайно бѣла, но иногда бываетъ и сѣрая; козленокъ растетъ скорѣе обыкновеннаго, и легко дѣлается ручнымъ. И простыя козы даютъ пухъ, продолжаетъ Г. Фрейдбергъ: но пухъ меньшей доброты, а происшедшія отъ смѣшенія простыхъ козъ съ Тибетскими даютъ пухъ совершенно одинаковый съ послѣдними. Доставка козьяго пуху черезъ Россію обходится весьма дорого: и такъ, надобно обзавестись своими Тибетскими козами. Порода эта водится въ Тибетѣ, на высокихъ, снѣжныхъ горахъ, на холоду; кормится бѣднымъ злакомъ твердой почвы. Тибетскія козы бываютъ разныхъ

цвѣтовъ, — и вотъ ихъ примѣты: уши то стоячія, то повислыя; рога прямые; а какъ уже доказано, что козы Тибета могутъ водиться и у насъ въ Европѣ, и именно во Франціи, то и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы можемъ и должны, — говоритъ сочинитель, — въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться, въ отношеніи тканья дорогихъ шалей, опасными соперниками Кашмирцевъ. Затѣмъ, слѣдуетъ еще глава о болѣзняхъ Тибетскихъ козъ, объявленіе о томъ, что императоръ Австрійскій выписалъ и получилъ нѣсколько такихъ животныхъ, а Швейцарецъ Вольваръ продаетъ ихъ по сту и сту пятидесяти гульденовъ за голову, — и вотъ, въ сокращеніи, все, что написалъ Г. Фрейдбергъ, прибавивъ къ этому еще изображеніе Тибетской козы, ни сколько не похожей на описаніе его: на изображеніи этомъ хвостикъ повислый; уши длиннѣйшія, ослиныя, стоячія; на шеѣ сережки; а рога прямые, длинные, и, — чего споконъ–вѣку не видать и не слыхать было на козлахъ и козахъ, — витые, какъ у баснословнаго единорога. Сочинитель безпрестанно самъ себѣ противорѣчитъ, — какъ видно даже

изъ приведенныхъ словъ его, — говоритъ, по наслышкѣ, наугадъ, о такой вещи, о которой онъ ни какого точнаго, яснаго понятія не имѣетъ. Впрочемъ, чего пенять на одного, за грѣхи и заблужденія цѣлаго поколѣнія? Никто, и даже сами Гг. Жоберъ и Тернль не знали настоящаго положенія дѣла: иначе они не стали бы вводить себя попустому въ издержки, которыя имъ выписныя ихъ козы едва–ли вознаградили, если не способствовала этому уже одна слава о Тибетскихъ козахъ у Тернль, и потомъ продажа большей части ихъ съ молотка.

Дѣло въ томъ: Тибетскихъ козъ, правда, мы здѣсь невидывали; но онѣ, какъ единогласно утверждаютъ приходящіе сюда Азіатцы, ни чѣмъ не отличаются отъ козъ здѣшнихъ, — чему вполнѣ повѣрить должно, сравнивая пухъ тамошнихъ и здѣшнихъ козъ: нѣтъ ни малѣйшей разности. Здѣшнія же козы во всемъ почти подобны обыкновеннымъ Русскимъ, домашнимъ козамъ: все, что допустить можно, такъ это то, что здѣшнія козы составляютъ ни видъ, ни родъ, а развѣ

небольшое отродіе, какъ Донская, Киргизская или горская лошадь суть отродіе общей породы конской. Рога у козъ здѣшнихъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько меньшую кривизну и взаимно ихъ сближающій погибъ; переносье болѣе впалое чѣмъ прямое, нижняя губа немного отвислая, шерсть немного гуще, длиннѣе обыкновеннаго, — и вотъ отъ чего туловище можетъ казаться великимъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что это та же обще–извѣстная, дворовая коза, которая, въ здѣшней холодной полосѣ, проводя строгую зиму въ буранной степи на подножномъ корму, покрывается на зиму всемогуществомъ благодѣтельной матери природы, — тонкимъ, густымъ и теплымъ подшерсткомъ, изѣстнымъ у насъ подъ именемъ козьяго пуху. Впрочемъ, всѣ примѣты, кромѣ длинной, густой шерсти и пуху, случайны, не существенны и иногда даже едва замѣтны. Но въ Малороссіи, особенно въ степныхъ мѣстахъ, козы даютъ небольшое количество мягкаго какъ лебяжій пухъ подшерстка, но не въ такомъ количествѣ, а можетъ–быть и не того

качества, какъ здѣшнія, хотя послѣднее еще и не рѣшено.

Изъ этого надобно вывести непосредственно такое заключеніе: вмѣсто того, чтобы отправлять отселѣ, со значительными издержками, козъ въ отдаленныя страны, полезнѣе было бы присылать сколько можно болѣе козъ, хоть бы и Французскихъ подданныхъ, сюда: здѣсь слѣдующее поколѣніе ихъ уподобится уже во всемъ кореннымъ здѣшнимъ козамъ и одѣнется пухомъ, тогда какъ вывезенныя отселѣ козы теряютъ его вскорѣ сами, — а о потомкахъ ихъ и говорить нечего, — и, утративъ однажды пухъ свой, вполнѣ уподобляются новымъ соотечественницамъ своимъ. Такъ верблюды, въ Киргизскихъ степяхъ, покрываются на зиму пухомъ, котораго напримѣръ на верблюдахъ Крымскихъ почти вовсе не бываетъ. Такъ Русской, Испанской или любаго инаго отродія, баранъ, завезенный на здѣшнія степи, въ короткое время получаетъ курдюкъ, то есть, огромный наростъ сала и толстую, никуда негодную шерсть, подъ которою

появляется также тонкой и густой подшерстокъ, который назвать должно овечьимъ пухомъ; и тотъ же баранъ теряетъ опять то и другое, будучи вывезенъ на другую почву и подъ другое небо. Сказанное подтверждено здѣсь многолѣтнимъ опытомъ; но, когда угодно, могу привести и письменныя доказательства. Г. Нефедьевъ, въ «Свѣдѣніяхъ о Волжскихъ Калмыкахъ», говоритъ между прочимъ: «Одинъ изъ Астраханскихъ жителей, занимающійся скотоводствомъ, выписалъ–было сюда овецъ изъ внутреннихъ губерній, для того, чтобы имѣть отъ нихъ хорошую шерсть; но овцы эти въ одно лѣто потеряли достоинство шерсти, и, что удивительнѣе, сверхъ обыкновенныхъ хвостовъ, получили курдюки.»

Дѣло, кажется, подтверждается и на Востокѣ. Этого рода козъ, подъ свойственной имъ полосою Тибета, держатъ во множествѣ; а въ сосѣднемъ Кашмирѣ, котораго мѣстоположеніе и почва вѣроятно не соотвѣтствуютъ извѣстнымъ условіямъ, козъ для пуху не разводятъ, хотя

Кашмиръ, собственно есть родина и колыбель лучшихъ Восточныхъ шалей, и Кашмирцы даже особымъ откупомъ пріобрѣли исключительное право покупки козьяго пуху у жителей Тибета. Впрочемъ, извѣстно и то, хоть бы напримѣръ изъ путешествія Ильфинстона, что Кашемирцы пользуются козьимъ пухомъ не изъ одного Тибета, но также изъ такъ называемой не–зависимой Татаріи, попросту изъ Бухарскихъ владѣній, съ которыми граничитъ степь Кайсаковъ нашихъ. Тамъ, высокое гористое положеніе, а здѣсь открытыя, холодныя степи, имѣютъ одинаковое вліяніе на вещественное преобразованіе шерстопроизводныхъ органовъ животнаго.

Между–тѣмъ, неизлишне будетъ объяснить и обстоятельство относительно упоминаемаго господиномъ сочинителемъ вышеприведенной книжицы спора о породѣ вывезенныхъ Гг. Жоберъ и Тернлъ во Францію козъ.

Сочинитель говоритъ ясно, что Французы эти вывезли козъ Тибетскихъ черезъ сѣверную Персію, Кавказъ и черезъ

Россію. Въ нумерѣ 79 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, 1823, было сказано, что Жоберъ и Тернль получили козъ своихъ прямо изъ Персіи. Это опять дѣло другое, — но какъ сейчасъ увидимъ, не менѣе того несправедливо. Далѣе въ газетѣ этой говорится: Еще въ 1814 году привезъ Г. Шарлъ Боденъ нѣсколько Тибетскаго козьяго пуху, моремъ изъ Калькуты; сравнилъ его съ козьимъ пухомъ, получаемымъ во Франціи черезъ Россію, и нашелъ, что это было совершенно одно и то же. Козій пухъ, доставляемый за границу черезъ Россію, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ Французовъ, идетъ изъ сѣверной Персіи и Средней Азіи: основываясь на этихъ слухахъ, Г. Тернль, извѣстный фабрикантъ–художникъ, рѣшился выписать Персидскихъ козъ, и поручилъ дѣло бывшему Французскому агенту въ Персіи, Г. Жоберу знавшему обычаи и языки Восточныхъ народовъ. Г. Жоберъ, прибылъ въ Россію, на Кавказъ, весьма много обязанъ тогдашнему Начальнику того края, генералу Ермолову, за разныя пособія его, собралъ за Кавказомъ, какъ говоритъ

газета, несмотря на большія затрудненія, до шести сотъ козъ, изъ которыхъ пять сотъ сорокъ благополучно достигли береговъ Волги. Въ 1829 году, козы эти прибыли на двухъ судахъ въ Тулонъ и Марсель, отколѣ развезены въ разныя мѣста Франціи, гдѣ они удачно расплодились.

Здѣсь, прежде всего, замѣтить должно, что козій пухъ, идущій черезъ Россію за границу, вывозится не изъ Персіи, а собственно изъ Россіи, именно съ Оренбургской Линіи, а самая малая часть его также изъ Астраханской губерніи, отъ Киргизовъ Букеевскихъ и Волжскихъ Калмыковъ. Кромѣ того, говорятъ, небольшое количество его вычесывается и за Кавказомъ, гдѣ именно, не знаю. На Линіи, и болѣе всего въ Уральскѣ и въ Оренбургѣ, можно вымѣнивать у Киргизовъ ежегодно до десяти тысячъ пудовъ не очищеннаго отъ шерсти пуха; въ этомъ видѣ товаръ идетъ на Нижегородскую ярмарку, оттолѣ въ Ростовъ (Ярославскій), гдѣ ихъ пухъ отдѣляютъ, очищаютъ, посылаютъ въ Москву и продаютъ Французамъ, — а они

везутъ его, сухимъ путемъ, черезъ Лембергъ, во Францію.

Надобно знать еще и то, какимъ образомъ пухъ здѣсь собирается. Одѣвшаяся на зиму теплою и мягкою шубою коза, весною разоблачается: въ жаркое лѣто тулупъ не находка. Тогда дикари при–Линейные собираютъ отваливающуюся клочьями шерсть или сдираютъ ее руками, и несутъ на мѣновые дворы. Иногда, и это водится особенно въ Уральскѣ, получаютъ они отъ купцовъ нашихъ задатки напередъ, и доставляютъ, по уговору, товаръ прямо къ нимъ. Впрочемъ, никто здѣсь козъ, собственно для пуху, не держитъ, а въ глубинѣ степи пухъ этотъ продается вмѣстѣ съ шестью, безъ всякаго употребленія, если не понадобится Киргизкамъ свалять изъ нея кошму. Козы содержатся здѣсь только вмѣстѣ съ овцами, и служатъ имъ на каждомъ шагу вожаками: коза бойчѣе и смѣлѣе овцы, и идетъ, куда ее гонятъ; овцы же однѣ, нерѣдко, сбившись въ кучу, становятся какъ вкопаныя, и нейдутъ съ мѣста. Пудъ такой шерсти даетъ до 25

фунтовъ пуху; за очистку платятъ до 30 рублей за пудъ; двѣ–трети цѣлаго количества обыкновенно состоятъ изъ бѣлой шерсти, остальная треть изъ сѣрой или сивой. Бабы разбираютъ для очистки шерсть по домамъ, и легко очищаютъ по фунту на день. Съ 1812 года по 1824, въ двѣнадцать лѣтъ, цѣна на козій пухъ здѣсь поднялась–было съ 16 до 48 рублей за пудъ; очищенный пухъ въ Москвѣ платился уже отъ 170 до 220 рублей за пудъ, а тамъ, по причинѣ застоя въ торговлѣ, вдругъ понизилась цѣна почти до половины. Причина этому кажется еще вотъ какая: начали–было подмѣшивать козьяго пуху въ тонкорунную овечью шерсть, для прикрасы, но оказалось, что сукно, получая, правда, лучшій видъ и лоскъ, теряетъ въ прочности; поэтому, мало–по–малу потребленіе пуха опять уменьшилось. Въ послѣднія десять лѣтъ, цѣны опять немного поднялись, и нынче платятъ за пудъ суроваго, неочищеннаго пуху 35 рублей. Очищеннаго здѣсь въ продажѣ не бываетъ.

Еще одно обстоятельство для насъ непонятно: въ упомянутой газетной

статейкѣ сказано, что двѣсти сорокъ козъ, изъ числа добытыхъ Г. Жоберомъ за Кавказомъ, были чистой породы, а триста состояли изъ пьмѣси. Это что такое? Какая чистая порода, и какая помѣсь? Развѣ козы были не тамошнія, а привозныя? Все это трудно понять. И объ этой газетной статейкѣ, кажется льзя молвить не грѣша, что сочинитель не былъ достаточно знакомъ съ предметомъ, — за что впрочемъ также пенять нельзя: никто, повидимому, незналъ настоящаго положенія дѣла. Мы разскажемъ по–своему.

Въ 1831 году прибылъ сюда, въ Оренбургъ, одинъ изъ коммисіонеровъ Г. Тернъ, и слѣдовательно сотрудникъ Г. Жобера, и разсказывалъ нижеслѣдующее: Г. Терно добылъ, съ чрезмѣрными издержками, изъ Кальпуты, настоящаго Тибетскаго козьяго пуху, а въ 1814 году, при занятіи союзными войсками Парижа, узналъ отъ Русскихъ офицеровъ, что тотъ же пухъ имѣется и въ Россіи. Въ слѣдствіе этого, обратился онъ къ коммисіонеру своему въ Москву, и получилъ отъ него за сходнѣйшую, но все

еще довольно высокую цѣну, нѣсколько козьяго пуху, подъ названіемъ Тибетскаго. На слѣдующій годъ узналъ онъ, Г. Тернль, отъ вступившихъ вторично въ Парижъ Русскихъ, что пухъ этотъ есть произведеніе юговосточной Россіи; но вѣрныхъ свѣдѣній получить не могъ, и рѣшился искать пути къ Тибетскимъ козамъ черезъ Кавказъ: погрѣшность простительная, если мы разсудимъ, какое понятіе Французы обыкновенно имѣютъ о нашемъ отечествѣ и о Географіи. И такъ, онъ отправилъ коммисіонера своего, Г. Жобера, бывшаго съ Наполеономъ въ Египтѣ, на Кавказъ. Г. Жоберъ благополучно достигъ Грузіи, нашелъ гостепріимство, ласковый пріемъ, — но козьяго пуху не нашелъ. Здѣсь онъ узналъ однако жъ, случайно, гдѣ его искать должно; отправился въ Саренту, и купилъ тамъ у Калмыковъ, а болѣе у Букеевскихъ Киргизовъ, тысячу триста козъ; пригналъ ихъ позднею осенью въ Таганрогъ, не нашелъ тамъ судна, принужденъ былъ гнать ихъ далѣе по словамъ Г. Фрёпила, — такъ, кажется, звали Оренбургскаго коммисіонера Г. Тернль, — въ Крымъ, и

наконецъ, зимою, нагрузилъ и отправилъ, оставшихся отъ тысячи трехъ сотъ, шесть сотъ козъ во Францію. Около двухъ сотъ погибло еще моремъ; сотни четыре прибыли на–мѣсто.

Вотъ разсказъ Г. Фрёнила! И такъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что вывезенныя Г. Тернль козы, гораздо приличнѣе могли бы быть названы Русскими степными козами, или если угодно, Калмыцкими и Киргизскими, — но только во всякомъ случаѣ не Тибетскими, ни же Персидскими; равно какъ и звѣрь или животное Г. Фрейдберга, съ витушками на головѣ, ни къ селу, ни къ городу, названъ «козою Тибета.»

Слава о Французскихъ платкахъ, затмѣвающихъ красоту Восточныхъ, смолкла; козы распроданы въ разныя руки, и нѣтъ, кажется, ни какого сомнѣнія въ томъ, что опытъ Г. Тернль, приносящій ему впрочемъ много чести, былъ удаченъ, относительно къ благополучной доставкѣ, не Тибетскихъ, а степныхъ Русскихъ козъ во Францію; но не удовлетворилъ надеждъ просвѣщеннаго промышленника

вразсужденіи выгодъ торговыхъ: то есть, что козы наши, мало–по–малу, во всемъ уподобились козамъ Франціи, и утратили, подъ умѣренною полосою, драгоцѣнный подшерстокъ свой. Очевидецъ разсказывалъ намъ, что на Парижской выставкѣ были платки Г. Тернль, и подлѣ нихъ стояла живая бѣлая коза, которую провозглашали Тибетскою, чесали тутъ же на выставкѣ, и показывали съ ловкостью, свойственною этому народу, вычесанные гребнемъ клочечки пуху. Вся продѣлка эта доказываетъ, что пуху въ козѣ осталось уже весьма не много, и что все дѣло вертѣлось тутъ только около того, чтобы удивить Французскій народъ Тибетскимъ пухомъ. Когда чесать козу гребнемъ, то каждая дастъ вамъ немного пуху; но это не можетъ составить предмета промышленности.

Въ самой вещи, бросимъ взглядъ на всю шубо– и шерстно–носную природу. Законъ одинъ: полуденные, четвероногіе обитатели земли нашей носятъ шерсть грубую, черствую, въ которой вы не найдете тонкой оси, и подъ которою вовсе нѣтъ пуху; чѣмъ

далѣе на сѣверъ, тѣмъ длиннѣе, пушистѣе мѣха, мягче, гуще и богаче пухомъ. Тотъ же самый звѣрокъ бываетъ годенъ и негоденъ на прихотливое употребленіе наше, смотря потому, гдѣ онъ водится: бѣлка въ Германіи та же что бѣлка въ Россіи, — въ этомъ согласны всѣ естествоиспытатели, — но какое сравненіе, зимняя шубка той или другой! Можетъ быть нѣкоторые изъ читателей помнятъ пару живыхъ соболей, которыхъ возили по Россіи, вмѣстѣ съ другими звѣрями: они даже и зимою не походили на соболей; рѣденькая шерсть покрывала звѣрка, а пуху почти вовсе подъ ней не было; хозяинъ, указывая на нихъ, самъ обращалъ на это вниманіе зрителей, и объяснялъ дѣло весьма просто, тѣмъ, что они прогуливались уже нѣсколько лѣтъ по полуденной Европѣ, и что сидятъ и нынче всегда въ теплѣ. Неизлишне здѣсь замѣтить еще и относительную разность между климатами запада и востока: это почти тоже, что югъ и сѣверъ. Параллель Оренбурга пролегаетъ черезъ всю средину Пруссіи, — но великая разность въ климатахъ, тамъ и здѣсь!

И такъ, покончимъ и порѣшимъ дѣло вотъ чѣмъ: нѣтъ пользы, и нѣтъ нужды выписывать, плодить и разводить пуховыхъ козъ на мѣстахъ, гдѣ сама природа отказываетъ имъ въ этой драгоцѣнной одеждѣ; онѣ переродятся всегда, и въ самое скорое время; одно только можно посовѣтовать хозяевамъ, пытающимся извлечь отъ козъ пуху: должно помнить, что въ Тибетѣ вода нерѣдко покрывается въ іюлѣ мѣсяцѣ ледяною корою, почти на полдюйма толщины, и что въ Оренбургскихъ степяхъ всю зиму дуютъ жестокіе бураны, при 20 и 30 градусахъ морозу, — и слѣдовательно, должно держать козу во всю зиму не на конюшнѣ, и вообще не подъ кровлей, а на воздухѣ, на холодѣ и на вѣтру; выгонять ее круглый годъ; пасти, буде можно, не въ кустахъ, не въ лугахъ, а по сухимъ возвышенностямъ. Тогда она дастъ вѣроятно пуху нѣсколько болѣе обыкновеннаго. Это имѣетъ еще и ту выгоду, что козы, роняя весною шерсть и пухъ въ большихъ лоскутахъ, не цѣпляются за кустарники и не теряютъ шерсти даромъ. Чѣмъ, при такихъ обстоятельствахъ,

прилагаютъ менѣе искуственной заботы и попеченія объ этомъ животномъ, тѣмъ отношенія его будутъ ближе къ козамъ Тибета, степей Киргизскихъ и Астраханскихъ.

Но важнѣе и полезнѣе всего было бы обратить болѣе вниманія на торговлю этою статьею, — козьимъ пухомъ, — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама тороватая и своенравная природа его производитъ въ изобиліи. Доставка, въ сравненіи съ цѣною, богатаго издѣлія не можетъ быть значительною. Не нужно возить пухъ этотъ сухимъ путемъ, черезъ всю Европу: его можно доставлять, по Волгѣ, въ Питеръ, и грузить на суда. Должно сознаться, что Французы и Англичане извлекли бы болѣе нашего пользы, если бы у нихъ подлѣ боку росло и родилось то же что у насъ. Здѣсь, въ Оренбургѣ, торговля вообще идетъ какими-то чудными и непонятными путями, и трудно добиться правды и толку. На сало обращаютъ довольно вниманія: это безъ большихъ хлопотъ даетъ обыкновенно, на худой конецъ, сто на сто; тутъ мѣняютъ у Киргизовъ барановъ на табакъ да на муку,

приправленную золицей, песочкомъ и известкою, — а кубовая краска и хлопчатая бумага, шелкъ и всѣ богатства Восточной Индіи, для насъ доселѣ недосягаемы. Караваны возятъ къ намъ, правда, немного бумаги, но все же не могла она доселѣ вытѣснить или замѣнить Англиіской. Болѣе всего возятъ кошмы, армяки, выбойку и готовые халаты, — толстые, простые халаты, въ которые одѣваются жители Оренбургской Линіи отъ Звѣриноголовской до самаго Гурьева, на протяженіи почти двухъ тысячъ верстъ. Неужели и своихъ, домашнихъ, нельзя бы одѣть въ халаты своего издѣлія?

Впрочемъ еще слово: едва–ли когда выдѣлка драгоцѣнныхъ платковъ или шалей, такихъ, какіе дѣлаются въ Кашмирѣ и какіе дѣлаются у Г–жи Колокольцовой, можетъ обратиться у насъ въ общую вѣтвь промышленности. Кажется, это несбыточно. Одинъ Кашмирецъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ проѣзжалъ черезъ Оренбургъ, отправляясь обратно изъ Петербурга домой, разсказывалъ здѣсь вотъ что: «Я, говорилъ онъ, работалъ дома

двадцать лѣтъ драгоцѣнныя шали, сиделъ день и ночь, утратилъ здоровье за работой, но часто бывалъ голоденъ; мы всѣ тамъ работаемъ тысячныя шали почти за одинъ только хлѣбъ насущный, — болѣе никто работнику не дастъ. Теперь, я побылъ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ вашей, и благословляю судьбу свою: штопаньемъ и починкою старыхъ шалей составилъ я себѣ независимое состояніе, и ѣду домой. У насъ это вещь неслыханная: доколѣ работаешь, сытъ будешь, а болѣе ничего.»

Разберемъ слова Кашмирца. Вы знаете, что порядочная шаль работается по нѣскольку лѣтъ сряду; что за нею сидятъ три или четыре работника или работницы. Положите каждому малую плату, ту же что и доброму фабричнику, ткачу, — рублей сорокъ въ мѣсяцъ, включая туда и содержаніе, и все. Положите трехъ работниковъ на два только года, — и выходитъ, что шаль, не включая матеріяловъ, станетъ вамъ подъ 3,000 рублей. А спросите, такъ услышите еще, что, въ два или даже три года, хорошей шали нельзя сдѣлать; что работнику

надобно заплатить больше; что пухъ, краски, машины — дороги. Судите жъ теперь, можно ли работать шали? Другое дѣло помѣщику нашему, который и безъ того кормитъ дворню шести колѣнъ съ предками и потомками: то есть, у кого работники не наемные. А иначе, кажется, шали наши наведутъ съ дешеваго на дорогое. Остается, или дѣлать только десяти–тысячныя шали, или замѣнить, по–Англійски, людей рычагами да колесами: тогда, если выдѣлка черезъ это не потерпитъ, тогда можетъ–быть пойдетъ дѣло на ладъ. Знаю, что будутъ спорить со мною, скажутъ — не надо намъ рычаговъ, у насъ еще рукъ довольно; но я, въ отвѣтъ, подведу итогъ въ три, четыре тысячи рублей, и вы должны сознаться, что работа не окупается. Докторъ

ДАЛЬ.